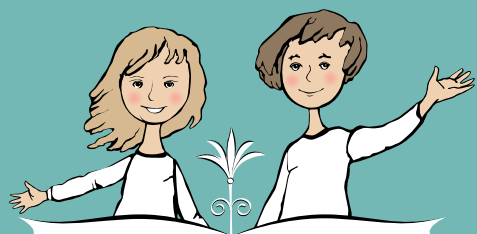

рассказы
сказки
стихи
биографии
знания
путешествия

настя и никита

детская литературная серия

НИКОЛАЙ СЕМЧЕНКО

ЗАЯЦ В МОРЕ

РАССКАЗЫ О СЕВЕРНОЙ КАМЧАТКЕ

Николай Семченко

ЗАЯЦ В МОРЕ

РАСКАЗЫ О СЕВЕРНОЙ КАМЧАТКЕ

Художник Мария Заикина

Москва, ООО «Издательский дом «Фома», 2010

Погожим осенним деньком Настя и Никита отправились с папой прогуляться за город в лес. Солнце светило ярко, но уже не припекало, как летом. Зелёная листва на деревьях начала потихоньку желтеть. В воздухе летали тонкие паутинки. От высоких сосен вкусно пахло смолой.

— Папа, а почему в лесу у сосен ветки только вверху, а весь ствол гладкий? — спросила Настя.

— Да, правда, пап, почему так? — поддержал сестру Никита. — У нас возле школы тоже растёт сосна, но она невысокая. И ветки по всему стволу. Это что, разные виды?

— Нет, ребята, — папа закинул голову вверх и с удовольствием потянулся. — Просто когда сосны в лесу растут близко друг к другу, каждое дерево тянется вверх, к солнцу, старается перерастить своих соседей. Нижние ветки у таких сосен отсыхают. Дерево растёт длинное и ровное, словно свеча. И называется такой лес — корабельная роща.

— А почему — «корабельная»? — удивился Никита.

— Раньше, во времена парусного флота, из высоких гладких сосен делали мачты для кораблей. На них ставили клеймо, означавшее, что рубить их на другие цели нельзя. Рощи таких клеймёных деревьев и назывались — корабельными.

Дети с папой неспешно шли по широкой лесной просеке, разговаривая о всякой всячине, как вдруг... из высокой травы, прямо у них

из-под ног выскочил заяц! Это было так неожиданно, что Настя испуганно пискнула — «Ой, мама». Заяц был большой и сильный. Огромными прыжками он покрывал метров по пять за раз. Вытянутые в прыжке мускулистые задние ноги были удивительно длинными. Всего пара мгновений, и заяц скрылся в кустах.

— Ого! — выдохнул оторопевший Никита. — Вот тебе и «заянька»!

— Да. Никогда не думала, что зайцы... такие!

— Это очень хорошо, что вы увидели настоящего зайца в среде его обитания. Мало кому из ваших ровесников так везёт. Обычно зайца представляют слабым, трусливым, вечно прячущимся или убегающим. На самом деле это сильный и довольно опасный зверь.

— Ну да, — поёжился Никита, — вот он и сейчас вроде бы убежал. Только догнать его мне как-то совсем не хочется.

— Это правильно. Заяц убегает от опасности, потому что у него нет таких клыков, как у хищников. Но зато у него есть другое оружие — очень сильные задние ноги. И если убежать не получается, он пускает это опасное оружие в ход.

— Как? — хором спросили Настя и Никита.

— Ложится на спину, подпускает врага поближе и с силой бьёт его ногами в живот. Бывали случаи, когда заяц таким способом калечил или убивал даже волка.

— Во дела! — воскликнул Никита, — выходит, в лесу нужно опасаться не только волков, но и зайцев.

— Совершенно верно, — улыбнулся папа. — С любым диким зверем человеку нужно вести себя очень осторожно. Даже с зайцами. А кстати, знаете ли вы, что зайцы водятся не только в лесу, но и в море?

— Ну, это ты уже, папа, загнул, — усмехнулся Никита. — Что заяц зверь серьёзный, мы уже поняли. Но чтобы он ещё и в море жил?! Не верю.

— Правда-правда! Только это не обычный заяц, а морской. И живёт он не здесь, а далеко-далеко, на полуострове Камчатка.

И папа начал свой очередной рассказ.

Заяц в море

Рассказы о Северной Камчатке

С детства мне очень хотелось побывать на Камчатке. И вот, став взрослым, я отправился на реку Пёнжину — это самая большая и красивая река на севере полуострова. На ней когда-то хотели построить приливную электростанцию. Даже проект разработали, да так ничего и не построили..

Не думал, что останусь на Камчатке надолго, но она не отпускала: всё время открывала мне что-то новое, необычное, такое, что на «большой земле» и не увидишь. Так и прожил тут более двух лет, а потом всё-таки пришлось уехать...

И вот однажды вечером, уже на «материке», достал свои камчатские блокноты. На их страницах — размытые дождём записи, подпалины от искр костра. А между листьями попадаются необыкновенные закладки: маленький листик карликовой берёзы, чёрное перо из сорочьего хвоста, засушенные цветки рододендрона...

И вдруг откуда-то из глубин одной толстой тетради, плавно кружась, падает золотистый листок тополя. Ярко сияют на нём оранжевые пятнышки. И я сразу вспомнил тот далёкий день...

Золотые челны сентября

Всё случилось внезапно. Небо посерело; лёгкий ветерок несмело шевельнулся в тугой траве и вдруг поднялся из неё незримым бушующим великаном. Зазвенели в домах задетые его неуклюжей рукой стёкла; понеслись по улицам пустые вёдра, оглушительно бренча дужками; слетело с крыши железо и, как лист бумаги, закружилось в воздухе. Всю ночь ветер урчал и ругался, с кем-то вёл бой в тёмной тишине.

Утром молоденькие берёзки, распрямляясь, потянулись к чистой золотой заре. Ветер, принёсший первый холодок, преобразил их: с веточек, покрытых густыми точками родимых пятен, позванивая, слетали жёлтые листья. Ещё вчера их не было.

— Поедем на рыбалку, — предложил мне сосед Михаил. — Погода сейчас надолго установилась. Но недели через две надо ждать дождей, а потом заморозки...

Сердитый ветер, гонявший звонкие голосистые вёдра, был первым предупреждением об изменении погоды.

Моторная лодка легко неслась по Пенжине, и холодные брызги воды обжигали лицо. Мы направлялись к неширокой и мелкой

речке Оклан). Её воды настолько чисты и прозрачны, что на дне виден каждый камешек. Ещё эта вода — обманщица: она как бы приближает дно к глазам, и тогда неопытный рыбак опасливо глушит мотор и пробует шестом глубину.

В окланской воде почти нет химических примесей, и пахнет она смородиновым листом. Целые плантации этого кустарника растут по-над берегами реки.

— Один мой приятель уехал из этих мест в Москву, — рассказывал Михаил. — Загрустил там, затосковал по Камчатке и попросил прислать ему бутылку окланской воды...

Я зачерпнул кружкой из Оклана. Вода была холодной, до ломоты в зубах. Кружка покрылась капельками серебристого пота.

Мы пристали у песчаного мыса, заросшего бурой травой. Над ней переплелись в рукопожатиях ветви высокой серебристой ивы — «чозэнии». Говорят, древесина этого дерева по твёрдости не уступает железу.

На отмели трепетали серые стайки тоненьких иголочек. Они выпрыгивали из воды и хватали мошек, похожих на микроскопические запятые. Когда над заливчиком пролетал редкий для этой поры овод, мальки бросались врассыпную: пугались. Для

них овод был всё равно что самолёт для диких племён. А ведь на следующее лето из иголочек вырастут почти взрослые рыбки, и сам овод станет для них обычной пищей. По воде плыли жёлтые с краснотой листья смородины, и рыбки тоже бросались от них в разные стороны, замирали у камней.

Пока Михаил колдовал над костром, я нашёл огромную корягу, выступавшую из воды, забрался на неё с удочкой. Несколько длинных теней метнулось от моего отражения. Это были красивые рыбины с пятнистыми спинками. Плавники похожи на яркие крылья тропических птиц. Восторг!

Крючок с наживкой плясал у них под самым носом, но рыбины, лениво шевеля великолепными плавниками, и не думали обращать внимания на приманку. Наконец одной из них эта игра надоела, и она, стремительно налетев на крючок, затрепетала в воде. Серые искорки брызнули на солнце.

— Это кунжа, — сказал Михаил. — Удачливый ты рыбак! Её не так просто поймать...

Рыбацкий азарт захватил, и вскоре в ведёрке забились две длиннотелые рыбы — «хариусы» с плавниками, похожими на лепестки розы. Им было тесно, а может, они боялись кунжу, и потому пытались, изогнувшись белыми брюшками, выпрыгнуть из посуды.

В тот же день я выудил и громадного «чира». Весил он чуть ли не три килограмма. Я уже знал, что Пенжина и Оклан — единственные на Камчатке места обитания этой рыбы. Ловят чира ещё на Печоре и Анадырке и, может быть, на их притоках — там, где

вода чистая и холодная. Камчатский подвид этой рыбы считается особым. Окраска у него более тёмная, чем у других сиговых, питается он только мелкими моллюсками и личинками комара — «хирономидами». Оттого и мясо его белое, нежное, чуть сладковатое. Полагают, что в Пенжине запасы этой деликатесной рыбы настолько велики, что возможен её промысловый лов.

Рыбалка была удачной, и довольный Михаил, возлежа у костра, похваливал дымящуюся уху, в которой плавал кружочками золотистый жир.

По реке медленно двигались золотые челноки — листья берёзы, чозении. Говорят, на них в стародавние сказочные времена плавали камчатские гномики и блестящими острогами добывали рыбу. Хоть мы и не были сказочными героями, но на целую зиму запасли вяленого чира, а потом вспоминали во время вьюг и метелей золотые челны сентября.

Евражки

На Севере крепко порой пристаёт к человеку какое-нибудь прозвище. И не к какому-нибудь середнячку, а к личности незаурядной и примечательной. Здесь неинтересных людей никак не отмечают, как, впрочем, и везде, но на Камчатке — с большей отчётливостью.

В селе Каменском одна женщина, работавшая в столовой, во всех разговорах значилась «евражкой». Слово это, какое-то милое и на слух добродушное, было мне незнакомо, и я всё пытался узнать, что же оно обозначает. «А ты погляди на неё внимательнее, — говорили мне. — Сам и увидишь!» Женщина эта имела привычку держать согнутые в локтях руки перед грудью, кистями вниз. Была она доверчивой и доброй, могла в любую чепуху поверить.

А потом я узнал, что евражки — это зверьки такие. Рыжеватые евражки (а попросту говоря, суслики) живут на сопках среди камней в глубоких норах. Они, правда, намного крупнее материковых сусликов.

Зверьки эти невероятно любопытны. Завидев или услышав, к примеру, человека, они становятся столбиками у входа в норки и, вытягивая головы, разглядывают пришельца. Передние лапки у них при этом лежат на животиках полусогнутыми. Любопытствуя, они непрестанно что-то свистят друг другу. Может быть, обмениваются впечатлениями по поводу увиденного?

К ним можно подойти почти вплотную, если двигаться потихоньку. Но и скрывшись в норку, евражка через несколько секунд снова высунет наружу свою добродушную усатую мордочку и опять начнёт тихонько посвистывать. Отойдёшь подальше, смотришь: суслик снова стоит столбиком у входа в своё жилище.

Доверчивых евражек звери покрупнее и понахальнее почти не трогают, и есть в этом свой смысл. Для них камчатский суслик — даровой работник. В недолгое пенжинское лето он запакает орехи на зиму. Труд этот нелёгкий: нужно достать с веток

стланика почти игрушечные шишки, вышелушить оттуда орешки-невелички, потом аккуратно уложить их зерно к зерну в подземных хранилищах. На эти запасы и покушается в голодное время медведь, да и белка не зазеваётся, если подвернется случай попасть в евражечьи закрома. Нередко в отсутствие хозяина кладовую разворывает его полосатый собрат — бурундук. В стародавние времена, рассказывают, и «олённые люди» (коряки) грабили евражек. Считалось, что орехи, собранные ими, крупнее, вкуснее и полезнее для здоровья.

Евражку легко приручить. Однажды мы заехали по Пенжине далеко вверх, в места глухие, безлюдные. Быстро темнело, и, наскоро поставив палатку и отужинав, мы легли спать, чтобы с зарёй начать рыбалку.

Утром я проснулся первым. Брезент провис, по нему мерно стучал дождь. Выглянув наружу, сразу увидел: почти у самого входа в палатку стоит столбиком евражка, в передних лапках держит кусок хлеба (очевидно, забытый нами накануне) и быстро-быстро жуёт его.

Увидев меня, суслик юркнул в траву, через минуту-другую снова появился и, с презрительным видом отряхиваясь от росы, стал пристально разглядывать нарушителя своего спокойствия. Я бросил ему нашедшуюся в кармане галету. Свистнув, зверёк мигом опустил на все четыре лапки, сделал шаг,

остановился, поднялся, поглядел — и опять на четвереньки. Так и добрался до галеты. Любопытно ведь, что это такое ему бросили!

Так день за днём мы приучали евражку брать пищу из наших рук. Еду она даже клянчила. Встанет на задние лапки — и ну сердито цвиркать!

За пять дней мы так привыкли друг к другу, что жалко было оставлять евражку одну на острове. Потом туда ездили наши друзья и друзья наших друзей, и все они говорили, что тоже подружились с милым любопытным зверьком.

Заяц в море

На просторах Пенжинской губы, которая представляет собой огромное водное пространство, вдающееся в сушу на триста километров, как-то боязно путешествовать на лодке: вдруг случится прилив? Дело в том, что приливы и отливы в этих местах — интересное и красивое явление. Хорошо за ними наблюдать в тихую погоду. Прибрежная полоса незаметно оказывается под водой, которая наступает медленно, но неотвратимо. Море становится неспокойным. И кажется, что волны всё выше и выше поднимаются над ним. Иногда они достигают высоты в тринадцать метров — нигде подобного на Тихом океане нет. Как же тут не бояться, отправляясь в путешествие по Пенжинской губе?

Часто встречаются здесь и «кекúры» — острроверхие большие камни. Они как сигнал лодочнику: здесь мель и подводные камни, будь осторожен! Ориентируясь по ним, можно беспрепят-

ственно добраться до удивительного острова Аппáпель. С ходу пройти сюда на моторной лодке не очень-то легко, кругом отметили. Нам обычно удавалось высадиться только с западной стороны Аппапеля.

Интересен этот остров своими птичьими базарами. Птицы сидят рядами на каменных выступах скал и, словно торгуясь о чём-то, беспрестанно кричат, волнуются, спорят друг с другом. Появление людей вызывает здесь великий переполох. Чайки с пронзительными криками носятся над самой вашей головой, а маленькие сероватые «мартыны», нахальные и отчаянные водоплавающие птицы, пикируют прямо на человека и лишь в каком-то сантиметре от его лица взмывают вверх. Очень это неприятно, скажу прямо.

Если птицы всё-таки скоро привыкают к людям, то этого не скажешь о тюленях — «нёрпах» и «лахтаках». Они — очень осторожные, долго не решаются взобраться на свои лежбища. Плавая

и ныряя у берегов, лахтаки во все глаза смотрят на пришельцев. Эти звери — одни из самых крупных ластоногих. Верхняя губа у них раздвоена, и поэтому зовут их морскими зайцами. Впрочем, ещё и потому, что, как и наш сухопутный косой, лахтаки очень боязливы. Малейшее резкое движение, незнакомый запах обращают их в паническое бегство.

С нами была милая женщина Оля. Она знала, как приручить лахтаков. Оля включала магнитофон с песней Аллы Пугачёвой «Бубен шамана», и звери потихоньку, словно замороженные, выбирались на берег и вскоре как ни в чем не бывало лежали под горячим летним солнцем, млея от жары и весёлой музыки. Морские зайцы не любили почему-то классические произведения, и сколько мы ни пытались, так и не приучили их к Баху и Шопену.

Лахтаки скоро привыкли к нам и разрешали подходить к себе на пять-десять метров. Однажды я нечаянно подслушал Олин разговор с одним из них.

— Какой ты красивый, губастик, — говорила Оля, поддвигаясь к нему. — И усы у тебя пушистые и невозможно роскошные...

Лахтак глядел на неё весёлыми глазами.

— Ну не бойся меня, пожалуйста! Я тебя только поглажу, ладно? Лахтак насторожился и, фыркнув, показал свои зубы.

— Ух ты, какой сердитый! — продолжала Оля. — У тебя щетинка вон какая серенькая, мягкая, наверное. Ну не убегай!

Лахтак бултыхнулся в воду.

— Заяц и есть заяц! — сердито сказала Оля. — Разве я похожа на лису? Тем более на морскую...

Но заяц был уже далеко в море, которое для него — всегда спасение от неожиданностей суши. Улепётывая от нас, лахтаки очень походили на косых: бросались из стороны в сторону, петляли, словно хотели запутать свои следы. Откуда им, глупым, знать, что следов на воде не остаётся?

На Аппапеле лежбище лахтаков и нерп небольшое, всего сто — сто пятьдесят голов. А раньше, до ограничения на них охоты, и

того меньше было. Толстая кожа морских зайцев шла на подошвы «торбсѳв» — коряжских национальных меховых сапожек. А лапы этих зверей считались деликатесом. Потому и уничтожали их...

От Аппапеля недалеко до мыса Елистратова. Острова близ него — места глухие, никем не посещаемые, и птице и зверю тут живетъся вольготно. Сразу гложнешь от шума: здесь размещаются невероятно огромные базары бакланов, топорков, чаек. Птицы живут на отвесных скалах, издали похожих на неприступные башни старинных замков.

Звук мотора нашей лодки поверг в бегство многочисленную компанию лахтаков и нерп. Они не скоро успокоились и только к вечеру — не век же сидеть в воде! — поодиночке начали выбираться на пляжи с золотистым мелким песком.

Здесь обитали и «ларги» — красивые пятнистые толстушки. Это те же лахтаки, только меньше, изящнее. Ларги не хотят водиться с трусливыми родственниками, и место для отдыха выбирают отдельное, на голых плоских камнях. Они не очень пугливы, но не особенно-то и храбры. Оле удалось однажды подойти настолько близко к одной ларге, что зверь чуть не ударил её хвостом по руке. Больше Оля ни с кем знакомиться не пыталась: звери это всё-таки сильные.

Вот такие зайцы водятся в море, в которое впадает медлительная река Пенжина.

Грибы-великаны

Бежал я однажды с кочки на кочку, спасаясь от комаров-разбойников и вдруг попал на дивную полянку. Такие только в сказках да на Камчатке бывают: трава ровная, густая, шелковистая, а в ней каких только нет цветов, даже надменные красавцы-ирисы красовались. В больших городах их специально на клумбах разводят, а тут они без всякого ухода растут.

Я быстренько развёл костёр-«дымокѳр» и с блаженством вытянулся подле него. И сморил меня быстрый сон. А потом проснулся и обнаружил рядом с собой огромный гриб в красной шляпке. И вон ещё подальше россыпь «обабков»-подберёзовиков, все тоже гигантские, над деревьями поднимаются. Один к одному, в кокетливых желтоватых кепочках, хороводили моховики. Крупными алмазами вспыхивали на них редкие росинки. Каждая капелька величиной с листик берёзы. Вот это да! Не в сказке ли я очутился? Дай-ка, думаю, встану, осмотрюсь.

А как поднялся на ноги — разом всё перевернулось. Грибы как грибы, вполне обычные. А вот деревья — карликовые, низкорослые. Рядом с ними и обыкновенный лопух пальмой покажется, если с земли смотреть.

Как же это я спросонья забыл, что в тундре деревья — карлики? Тут редко встретишь высокое дерево. Не устоять ему под напором северных ураганов, не выжить в жестокие морозы. А они маленькие, да удаленькие, им всё нипочем: ветер их не шерстит, зимой на холод тоже грех жаловаться — снег укрывает их толстым тёплым слоем...

Притворщица куропатка

Летом тундра — просто птичник какой-то! Пернатые кругом: утки, гуси, «чирки» (маленькие утки), куропатки...

Однажды я наткнулся на гнездо куропатки. Птица выпорхнула из него и забилась, как раненая. Я знал, что она притворяется, уводит от кладки яиц. И всё-таки решил пойти за ней и посмотреть, что она будет делать дальше.

Птица то кидалась мне под ноги, то ковыляла в траве, призывающая крылья, то неловко взлетала на какой-нибудь куст. Она так старалась, так была напугана, что мне стало стыдно играть на её нервах, и я пошёл своей дорогой.

Не только куропатки, но и другие птицы таким же образом уводят людей и зверей от своих гнездовий. Иногда они это делают сообща: сразу несколько птиц с криками поднимаются в воздух, потом стремительно, как подбитые, падают вниз и начинают представление. Тут уж лиса, к примеру, и вовсе теряется: не знает, за какой погнаться, а пока она мечется между мнимыми подранками, они успевают отвести её подальше от сокровенного места.

Разноцветные озёра

В тундре много небольших озёр. На них живут дикие утки, возле любят гнездиться куропатки. Вода в таких озёрах разного цвета, больше всего — с чистой, прозрачной и потому голубой — от отражающегося в ней неба — водой. В других она напоминает разведённую тушь, но сквозь такую воду всё равно видишь дно. Когда осенью ветер приносит на чёрное озеро берёзовые жёлтые и осинные красные листья, оно становится похожим на дорожку лакированную шкатулку. Есть озёрца с жёлтой, синеватой и даже фиолетовой водой. Все они очень красивы и напоминают чем-то неумелые детские рисунки. В них порой не веришь, но они есть на самом деле, вот какая штука!

А ещё тундру разрезают большие и малые ручьи, в них водится рыба «хариус». Когда он попадается на крючок, жилка сильно натягивается и рвёт пальцы, и ты с волнением видишь, как в глубине воды вскипает серебро — это ходит в твоей руке крупная рыбина. Вытащенная из воды, она обжигает льдом.

СНЫ

Уже уехав с Камчатки, я то и дело ловил себя на том, что говорю о ней «у нас, на Севере» и никак не могу привыкнуть к размеренной и вроде бы отлично налаженной жизни.

Я узнал этот край, узнал его травы и цветы, его птиц и животных. Можно было бы рассказать здесь ещё и о медведях — бурых и даже белых; о лютном холоде, когда по местному радио передают, что рабочий день отменяется; о том, что природа там всё-таки благосклонна к человеку и позволяет выращивать картофель и овощи, а в лесах вдоль моей реки водятся драгоценные звери — «собо́ль» и «горноста́й». Но я не буду об этом говорить. Разве мы любим свою землю только за чудеса?

Камчатка необыкновенна, как, впрочем, чудесен и любой другой, даже самый незатейливый уголок России, когда его по-настоящему любишь. С этого края начинается моя Родина, и отсюда происходит моя к ней любовь.

...А ночью мне снятся сны. Они о Севере. О тополях с оранжевыми листьями. О грибах-великанах. Об утках и белоснежных лебедях. О зимней радуге и низких звёздах, до которых, кажется, вот-вот дотронешься рукой...

И, просыпаясь, я понимаю, что счастлив.

Ребята!

Если у вас появилось желание поделиться с нами своими впечатлениями о прочитанной книжке или, может быть, вам захотелось рассказать о своей семье, о своих историях и приключениях, пишите нам, Насте и Никите, по адресу:

123242, г. Москва, а/я 46

nastya-nikita@foma.ru

Мы постараемся ответить вам.

До следующей встречи!

НАСТЯ и НИКИТА

НИКОЛАЙ СЕМЧЕНКО. ЗАЯЦ В МОРЕ. РАССКАЗЫ О СЕВЕРНОЙ КАМЧАТКЕ.

Природа Северной Камчатки, неповторимая красота её прозрачных рек и разноцветных озер, её рыбы, птицы, зверушки, обитатели морских просторов, — всё это зримо предстаёт в главах познавательной книги Николая Семченко («Золотые челны сентября», «Евражки», «Заяц в море», «Грибы-великаны» и др.). Повествование наполнено любовью к этому необыкновенному северному краю, который нельзя забыть и который остаётся для автора воплощением Родины («Сны»).

Красочно, легко и интересно написанная книга обогатит юного читателя новыми знаниями об окружающей природе и научит восхищённому, бережному к ней отношению.

рассказы

сказки

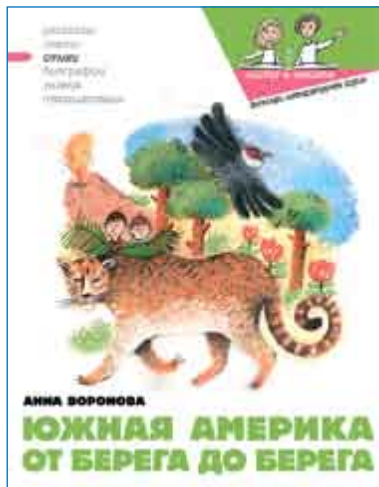
стихи

биографии

знания

путешествия

ЧИТАЙТЕ В ДЕТСКОЙ СЕРИИ:

Литературно-художественное издание
Серия «Настя и Никита»
Приложение к журналу «Фома»
Выпуск 32
Для старшего дошкольного
и младшего школьного возраста

Николай Семченко
ЗАЯЦ В МОРЕ (Рассказы о Северной Камчатке)

Художник *Мария Заикина*

© ООО «Издательский дом «Фома»,
иллюстрации и оформление, 2010

Главный редактор *Владимир Легойда*
Генеральный директор *Игорь Мещан*
Шеф-редактор издательских проектов
Алина Дальская
Редактор детской серии *Александр Ткаченко*
Арт-директор, дизайн *Анастасия Пассова*
Разработка образов Настя и Никиты
Наталья Кондратова
Верстка *Светлана Лукоянова*
Корректор *Наталья Фёдорова*

Подписано в печать 23.08.2010.
Формат 70x108 1/8.
Гарнитура Schoolbook. Печать офсетная.
Печ. л. 1,5. Тираж 5000 экз. Заказ № 0??.
Типография ScanRus OY, Финляндия

ISSN 2074-2614
УДК 821.161.1 – 93
ББК 84(2Рос=Рус)6 – 44
С 30

НАШ САЙТ:
book.foma.ru

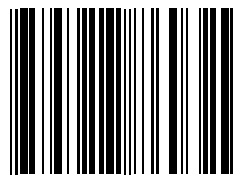
ПРИБРОСТИ КНИГИ:
www.foma.ru
book.foma.ru

ЗАКАЗ КНИГ ПО ПОЧТЕ:
e-mail: podpiska@foma.ru
тел.: 8-800-200-08-99

ОТДЕЛ ОПТОВЫХ ПРОДАЖ:
e-mail: andreeva@foma.ru
тел.: (499) 255-96-58

ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО В БЕЛАРУСИ:
тел.: +375 29 109-74-37

ISBN 978-5-91786-032-9

9 785917 860329